

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Бабурин С.Н.

СМЫСЛ И ФОРМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА РОССИИ: М.М. СПЕРАНСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение влияния правовых идей М.М. Сперанского на российский конституционализм, в том числе их воплощение в ряде норм конституционной реформы 2020 г. в России. Аргументируется вывод, что современный российский конституционализм сохранил все указанные ещё Сперанским причины конституционных реформ. Рассматривается развитие отечественного конституционализма в течение минувшего столетия, когда эволюционные формы совершенствования государства Российского чередовались с механизмами его революционного слома.

Ключевые слова: Сперанский, конституционализм, нравственное государство, культурно-исторические особенности России, разделение властей.

Любая оценка смысла и форм совершенствования Российского государства начинается с анализа основ государственного строя, закрепляющих принципы взаимоотношения общества и государства, личности и государства. В силу современной моды на демократию государственно-правовое развитие общества изучается конституционным и муниципальным правом, между тем, комплексный подход был бы более уместен, что требует возвращения в теорию и практику понятия «государственное право». Распространение конституционных учреждений, являющееся эпилогом великих революционных драм, ещё А.Д. Градовский рассматривал как развитие государственного права [15, с. 716]. Однако, конституционализм выступает лишь основной современной формой государственно-правовых реформ, наиболее привлекательной их внешней оболочкой.

Выступив в 2020 г. с предложением глубинного исправления Конституции РФ, Президент РФ В.В. Путин отметил, что Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным. Многие сделано для этого: восстановлено единство страны, покончено с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами. Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться. Президент РФ подчеркнул, что пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения, которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве [22]. Конституционная поправка 2020 г. была направлена на совершенствование Российского государства институционально и духовно-нравственно, что серьёзно затронуло социальную основу общества и даже, как обоснованно подчеркивает С.А. Авакьян, заставляет по-новому взглянуть на тенденции в общественно-социальных процессах в нашей стране [1, с. 33].

Именно о формах и смысле государственных реформ возникает потребность размышлять в юбилей М.М. Сперанского, выдающегося российского юриста и реформатора. Этот великий человек не просто осуществил кодификацию отечественного законодательства и заложил основы российской юридической науки, он на столетия задал вектор развития российскому конституционализму, предложил критерии смыслов совершенствования государства и права.

Ценность и смысл всегда взаимосвязаны. В понятии смысла выражается субъективное приращение ценности какому-либо явлению, сиюминутное установление его места в общей системе бытия. Смысл не принадлежит самому явлению, он привносится в него человеком и лишь субъективно отражает необходимость самого явления. Смысл и формы совершенствования государства всегда определяются культурно-историческими (цивилизационными) особенностями соответствующего общества. Цивилизационные особенности совершенствования Российского государства отмечал ещё М.В. Ломоносов, когда писал, сравнивая Российскую империю и империю Римскую о сходстве «самодержавства» римского и российского, о том, что «гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения;

самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времён умножилась, укрепилась, прославилась. Благоннадёжное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами» [18, с. 161].

Если в течение XX в. российская (советская) юридическая наука не придерживалась оценок Ломоносова, ссылаясь на конкретно-историческую ограниченность его вывода, то рубеж XX и XXI вв., перевернув многие бывшие представления, сделав многие очевидности неочевидными, заставляет всё чаще возвращаться к социальным наблюдениям великого русского учёного. Внутренняя противоречивость российского конституционализма за последние 100 лет как ярко подтверждает ломоносовский анализ, так и заставляет нас возвращаться к теоретико-правовым позициям М.М. Сперанского.

Следуя сравнительно-историческому методу, М.М. Сперанский видел в государственно-правовых закономерностях отражение духа власти («духа правительства») той или иной эпохи, позволяющего высшей государственной власти править, а природе постепенно образовывать народ [28, с. 324–325]. Сравнивая хронологически близкие ему трансформации Российского государства, М.М. Сперанский отмечал, что при царствовании Екатерины II самовластие происходило от степени невежества и основано было на народных нравах, а идеи о свободе – от книжного просвещения и иностранных вкусах. «Дух правительства во времена Павла I совершенно изменился, – писал Сперанский. – Все частные управления подверглись страху суда и отчёта. Самовластие со всей поверхности России перенесено к её средоточию. Провинции управлялись по-европейски, но высшее управление было совершенно азиатское. Менее было притеснений в народе, но не менее было его в России» [28, с. 325]. Выгоды нового правления, по его мнению, состояли в том, что оно дало новую цену понятиям свободы и обратило внимание на сосредоточение власти наверху, отучило сильных от гласных притеснений и научило слабых жаловаться. «Оно открыло сим последним весьма важную тайну, что они могут искать защиты» [28, с. 325].

М.М. Сперанский, оценивая дух власти эпохи Александра I, сформулировал основные причины государственных перемен, которые положил впоследствии в основу своих преобразований, и которые сохраняют своё значение при конституционном реформировании современных государств, в том числе, для оценки и планирования дальнейших трансформаций российского конституционализма. Подчёркивая важность взять всё лучшее из предыдущих царств – свободные идеи в центре и определённости на поверхности – он характеризовал причины неизбежности реформ как неудобства. И называет четыре таких «неудобства»:

1) не имеющая политического основания власть не может иметь прочности, кроме той, что происходит от навыка и общего мнения, а для твердости последних нужны десятилетия. Если царство застало частные управления без правил и уставов, то в нём всё подвергается частным разрешениям.

2) неудобство вследствие недостатка плана.

3) недостаток доброй организации.

4) неудобство из-за смешения начал законодательных с упражнениями исполнительными, когда одни и те же органы власти составляют уставы и наблюдают за их исполнением [См.: 286 с. 327].

Современный российский конституционализм сохранил все указанные Сперанским «неудобства».

Во-первых, центральной проблемой публичной власти современных государств остается её легитимность. Легитимацией власти, обоснованно подчёркивает В.Н. Плигин, является такое её имманентное свойство как социальная одобряемость на основе соответствия традиционным представлениям. Легитимность существует лишь при том условии, что власть отвечает ценностным установкам индивида, стимулируя его признать её и оказать ей поддержку [20, с. 101, 102]. Лишь соответствие определённым правилам превращает политическую власть в легитимную, а нарушение этих требований является причиной нелегитимности, или иллегитимности власти. Лишь умение учитывать не только существующие писанные и неписанные правила, но и интересы разнообразных социальных слоёв и групп, умение убеждать их в своей справедливости даёт власти стабильность [20, с. 102]. В настоящую эпоху отсутствие легитимности, на которое в качестве «неудобства» указывал М.М. Сперанский, устраняется конституционализмом и народными голосованиями на выборах или по проектам законов, в том числе проекту конституцион-

ного реформирования. «Частное управление без правил и уставов» свойственное любым смутным временам, в Российской Федерации изжито совершенствованием конституционного регулирования и прямым действием Конституции РФ (ст. Конституции РФ).

Во-вторых, недостаток планирования социального развития, присущий эйфории первоначального вхождения в 90-е гг. в «свободный рынок», давно трансформирован в стратегическое планирование и стратегическую экспертизу значимых инициатив в рамках национальных и федеральных программ развития, вплоть до законодательного закрепления принципов и самой системы стратегического планирования [30].

В-третьих, стремление устранить такое «неудобство» как недостаток «доброй организации» государственной власти, привело в конце 90-х - начале 90-х гг. к системным поправкам в Конституцию СССР и Конституцию РСФСР 1978 г., к принятию Конституции РФ 1993 г., к реформе Конституции РФ в 2020 г. Институциональная сторона конституционных изменений 2020 г. охватила все ветви государственной власти и в корне изменила многие стороны отношений между ними. Насколько продуманно и удачно – покажет будущее.

Наконец, четвертое «неудобство» власти, отмеченное М.М. Сперанским, касается недостаточной эффективности разделения полномочий между законодательными и исполнительными органами государственной власти. Уже в п. 13 Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей был провозглашён как основа правового государства в РСФСР, 21 апреля 1992 г. этот принцип был закреплён в Основном законе России (ст.3 Конституции РФ), в 1993 г. он лишь «перекочевал» в новую Конституцию РФ.

Даже голосуя за конституирование принципа разделения властей на Съездах народных депутатов РСФСР в 1990 и 1992 гг. я не скрывал своего скептического к нему отношения, полагая, что трехчленное разделение властей технологически устарело и не охватывает всей полноты публичной власти. Сегодня, на мой взгляд, очевидно, что государственную власть помимо органов, указанных в ст. 10 Конституции РФ, фактически осуществляют такие конституционные органы, как, например, Генеральная прокуратура РФ, пусть и записанная в раздел судебной власти, но к этой власти не относящаяся, Центральный банк России или Центральная избирательная комиссия РФ со всей вертикалью избирательных комиссий, определяющая итоги любых выборов и референдумов. Так что вопрос к «чистоте» принципа, как говорится, имеется.

Согласно Конституции РФ Президент России как глава государства стоит над классической структурой из трех ветвей власти, выполняя функцию верховного арбитра, обеспечивающего, с учётом конституционной поправки 2020 г., согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Современная модель вполне отвечает взглядам М.М. Сперанского, видевшего Императора носителем державной власти, разделяющейся на три «отношения» - законодательное, исполнительное и силу судную [28, с. 339]. Истоки такого подхода, конечно, не только в идее сильной центральной власти, осуществлявшейся Царем Московского царства, как считает Ю.М. Батурин [8, с. 578], но в унаследованной Русской державой византийской традиции Божественного предопределения государства, когда императоры Римской державы не только отождествляли высшую светскую власть, но и созывали все Вселенские Соборы, утверждая их акты своей подписью, после чего те получали статус государственного закона [11, с. 82-99]. Возникновение же императорской власти в Риме, как власти высшей, стало способом обеспечения управляемости огромной территории, вышедшей далеко за пределы Апеннинского полуострова, когда потребовалась фигура стоящего над всеми единоличного правителя, который бы мог обеспечить справедливость и законность [13, с. 445; 3, с. 231-237].

Не лишним будет здесь и вопрос о формах совершенствования государства Российского, о причудливости пути российского конституционализма, чередовавшего эволюционные механизмы с революционными сломами. В феврале 1917 г., свергнув в результате военно-промышленного заговора Царя Николая II, отринув Основные законы Российской империи 1906 г., организаторы перемен попытались перелицевать Россию на европейский манер, сделать из неё через конституционализацию буржуазных свобод и европейской модели парламентаризма некое сугубо «европейское» государство. Не получилось. Народ не поддержал. Рухнул не только русский фронт первой Мировой войны, не только монархия Романовых, но и Российское государство (Российская империя была вообще отменена росчерком пера А.Ф. Керенского в сентябре 1917 г.).

Пришли большевики, левые эсеры и анархисты, подобрали валяющуюся под ногами власть и попытались построить справедливое общество без государства, без права и религии, без семьи и нравственности, что нашло своё отражение в уникальной Конституции РСФСР 1918 г. Не получилось. Народ тоже не поддержал, отказал в легитимации Кронштадтским и нараставшими параллельно с ним крестьянскими восстаниями. Большевики вовремя почувствовали надвигающийся крах, перешли к новой экономической политике и строительству революционного государства, что было закреплено Конституцией СССР 1924 г. и Конституцией РСФСР 1925 г. Получилось. Советская власть продержалась более 70 лет, преобразив аграрную страну с великой культурой, но безграмотным населением в мировую сверхдержаву с великой культурой и самым читающим народом в мире.

Конституционная реформа СССР в 1977-1978 гг. попыталась исправить имевшиеся несовершенства, избавиться от указанных М.С. Сперанским «неудобств», но не затронула глубинных пороков социализма – отказа от признания роли религии и заблуждений с монополией государственной собственности – не смогла предотвратить системного кризиса советского общества.

Смысл перестройки всех сторон жизни советского общества, начавшейся в 1987 г., заключался для основной части нации именно в совершенствовании государственных механизмов и устранении недостатков в идеологии, политике, экономике. Планировалось вернуть в общество традиционные духовно-нравственные ценности, избавиться от догматической монополии марксистско-ленинской идеологии и изменить решение вопроса о собственности. Не получилось. Советский социализм ушёл в прошлое. Слишком поздно общество убедилось, что у некоторой части партийно-хозяйственной номенклатуры цель перестройки была иной – уничтожить социализм, союз социалистических государств и сам СССР. Народ оказался бессилён. Объективно говоря, состоялся реванш духовных наследников «февралистов» 1917 г., историческую Россию рассыпали на «суверенные» государства, а самый большой её осколок – Российскую Федерацию – через Конституцию РФ 1993 г. уложили в «прокрустово ложе» западных ценностей и институтов, пытаясь хирургически превратить в «европейскую державу».

Но не случайно Гегель рассматривал государственный строй как развитую и осуществлённую разумность, взаимопроникающее единство всеобщности и единичности, а государство как таковое – в качестве опосредования удовлетворения субъективных целей граждан [14, с. 291]. «Европейскость» в России за 30 лет так и не прижилась, сказывается влияние евразийских национальных архетипов. Национальные особенности всегда играли, играют и будут играть решающую роль в функционировании государства как системы [Подробнее см.: 27, с. 14-15, 37-59].

Конституционная реформа РФ 2020 г. тем и судьбоносна для российского общества, что она восстановила духовно-нравственный каркас Конституции РФ, вернула нас к осознанию особенностей русского культурно-исторического типа. Как признал в октябре 2021 г. Президент РФ В.В. Путин, в современном хрупком мире значительно возрастает важность твердой опоры, моральной, этической, ценностной, а ценности – «это продукт культурно-исторического развития каждой нации, и продукт уникальный». Чуждое все равно будет отторгнуто, возможно даже в резкой форме. Попытки ценностного диктата в условиях сегодняшних неопределённых и непредсказуемых перспектив ещё больше осложняют и без того острую ситуацию, влекут обычно обратную реакцию и обратный ожидаемому результат. Мы будем руководствоваться идеологией здорового консерватизма, опираться на традиционные ценности, заверил Президент РФ [23]. Надеюсь, что действительно пришло время консерватизма, в основании которого лежат силы, которые, как подчеркивал Б.Н. Чичерин, коренятся глубоко в свойствах человеческого духа и управляют развитием человеческого общества [29, с. 440]. Отсюда поиск новых смыслов и новых форм государственного строительства [см., напр.: 10]. Отсюда важность целеполагания российского конституционализма, необходимость продолжения конституционной реформы России вплоть до принятия новой конституции. Надеюсь, что это будет уже Конституция нового союзного государства – Российского Союза [см.: 4, с. 73-86; 7].

К.Н. Победоносцев считал теорию парламентаризма великой ложью нашего времени, отвергал идею власти, основанной на воле народа, потому, что видел, что на практике народовластие превращается в миф, выборы ни в коем случае не выражают воли избирателей, а представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководствуются собственным произвольным усмотрением или расчетом [21, с. 284, 285]. При этом Победоносцев соотносил своё мнение со Сперанским, который пытался реализовать в своих трудах

идею участия народа в управлении при сохранении самодержавия Императора. Более того, принцип разделения властей был ключевым в работе М.М. Сперанского «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г. [28, с. 339] С полным на то основанием планы Сперанского считаются одним из первых подступов к конституционной монархии [см., напр.: 8, с. 578].

Смысл реформирования Российского государства – в наполнении жизни общества справедливостью и свободой, в создании государственно-правовых условий для созидательного свободного труда и построения через это нового, более справедливого общества реальной свободы [см.: 6, с. 337-338]. Свобода есть власть над самим собою, она есть неволя разума и признание необходимости нравственной, победа необходимости нравственной над необходимостью физической, утверждал М.М. Сперанский [28, с. 180]. Не случайно А.Д. Градовский считал свободу необходимым правом каждой развивающейся личности, каждого сознающего себя духа [16, с. 63]. Свобода политическая существует тогда, когда «народ управляется законом, общею волей принятым или охраняемым», в отличие от рабства политического, существующего «когда воля одного или многих составляет закон всех» [16, с. 269]. Это основоположник утилитаризма И. Бентам убедил Европу, что верховными властителями людей являются страдание и удовольствие [9, с. 1]. В системе духовно-нравственной культуры первенство всегда за духовными идеалами, среди которых важное место занимают Божественное соработничество, отвергающее рабство духа, идеи нравственного самосовершенствования и социального служения [12, с. 381-407, 486-487, 663-669].

Человеческое общество существует благодаря сохраняющейся его нравственной первооснове, которая складывалась в ходе формирования человека как разумного социального существа [см.: 25, с. 31]. Люди верующие уверены в Богоустановленности нравственности, опирающейся на Божьи заповеди [см.: 24]. Люди не верующие, но мыслящие, помнят жесткий императив Платона, что, если какой-либо законодатель или какое-то государство, отринув приоритет души, оценит наиболее высоко достаток, «он совершит дело и негосударственное, и нечестивое» [19, с. 169]. Лишь нравственное общество будет хотеть и радеть о сильном государстве [см.: 17], не опасаясь узурпации государством всей социальной власти. Будет ошибкой выводить из возможного нравственного характера государства отрицание государственного принуждения, как это делает И.М. Рагимов [26, с. 110]. Напротив, нравственная основа требует неотвратимости возмездия, справедливости, защищенной механизмами государства.

В Российской Федерации после конституционной реформы 2020 г. начали формироваться условия для перехода к нравственному государству, что является центральной задачей современного конституционализма [см.: 2, с. 14-20; 6].

Список цитируемой литературы:

1. Авакьян С.А. Гражданское общество и религиозные организации: перспективные ожидания // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы. Материалы XII Международной научной конференции / Под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М.: Книжный мир, 2021. С. 32–39.
2. Бабурин С.Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 14-20.
3. Бабурин С.Н. О роли социального выбора, проблемах реализации Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. и интеграционном конституционализме // Правоприменение. Т. 5. 2021. № 2. С. 231-237. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).231-237
4. Бабурин С.Н. Предотвратить эвтанизию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73-86. DOI: 10.31857/S102694520015033-7
5. Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3-6.
6. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020. – 536 с.
7. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 264 с.
8. Батурин Ю.М. Поиск российской схемы разделения властей в конституционных проектах (от Екатерины Великой до Конституции 1993 года) // История науки и техники:

импровизации в стиле jazz. Сборник научных докладов, статей, выступлений и интервью директора ИИЕТ РАН. 2010-2015. М.: Изд-во «РТСофт»-«Космоскоп», 2016. С. 578-581.

9. Бентам И. Избранные сочинения. Т. 1. /пер. с англ. С предисл. Ю.Г. Жуковского. СПб.: Изд. «Русской книжной торговли», 1867. – 678 с.

10. Братищев И.М., Крашенинников С.Н. В поисках «наилучших форм» государства: от умеренных древнегреческих демократий к подлинному народовластию // Сильное государство – выбор России. Угрозы, ценности, приоритеты: монография / под науч. ред. И.М. Братищева. М.: Изд.-торг. Корпорация «Дашков и К°», 2019.

11. Величко А.М. Царство и священство. М.: Вече, 2020. – 640 с.

12. Величко А.М. Церковь и политический идеал. М.: Вече, 2020. – 688 с.

13. Величко А.М. Божественный лик Византии. М.: Вече, 2020. – 640 с.

14. Гегель Г.Ф.В. Философия права / пер. с нем.: ред. И сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.

15. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Т. 1. Часть историческая. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1886. – 774 с.

16. Градовский А.Д. Сочинения. СПб.: Наука, 2001. – 512 с.

17. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного развития. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

18. Ломоносов М.В. Государство Российское. М.: Де'Либри, 2015. – 720 с.

19. Платон. Законы // Соч. в 3 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 1972. С. 83-478.

20. Плигин В.Н. Легитимность государства и права: теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2021. – 376 с.

21. Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. – 510 с.

22. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию, 15 января 2020 года URL:<https://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 23.01.2022).

23. Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL:<http://tass.ru/politika/12727931> (обращение 23.01.2022 г.)

24. Рагимов И.М. Религия и наказание. Предисл. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр-Академия, 2020. – 217 с.

25. Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2016. – 224 с.

26. Рагимов И.М. Современная диалектика государства и нравственности. С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106-111. DOI: 10.31857.S102694520012822-5

27. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик и др. СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. – 344 с.

28. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. – 680 с.

29. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. – 656 с.

30. Федеральный закон РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2014, 3 июля. № 146.

Сведения об авторе:

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник – научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН; профессор Московского университета им. С.Ю. Витте; профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, президент Ассоциации юридических вузов; 1357343@mail.ru